

Пируем у Митьки. Рыбку кушаем. Ему пятьдесят пять, но, почти как в Дамской рекламе, выглядит он на сорок... Да как ты, Митя, ловишь и не ловишься? А он в ответ чуть заметно улыбается, одними глазами. А глаза у Митьки — будто у моря украдены — сине-зеленые, как водоросли, аквамариновые. Никто ни разу не видел, с кем и на чьей такой лодочке-быстроходочке он рыбачит во время лососевой путины. И даже после десятой стопки Митька не откроет секрета... А у самого-то — для ближних, прибрежных дел — допотопная «казанка». Митька сидит на корме, левой поруливает (он левша), а правой поглаживает дюралевый борт, словно бок любимой собаки...

Митька — сбитая кубышка: рост сто семьдесят сантиметров, вес семьдесят пять килограммов, с небольшим пивным животиком. Ходил в море «деловым человеком» — электриком. То есть бизнесменил в советскую эпоху. И не ловился, потому что не борзел. Приземлился в пятьдесят и стал в ду электриком. Но каждые лето-осень — сам как нагульный лосось — всенепременно на нерест красной рыбы. Да не просто так, а — надежно! С «хозяином», рыбнадзором то есть.

Люди, живущие у моря, должны морем и жить! Это твердое народное убеждение. Государство, однако, сражается с собственным народом всю жизнь. Поэтому правда и справедливость — на стороне браконьеров, не борзых, конечно, совестливых. Митька и возбужает всегда, когда кто-то, пусть в шутку, покатит бочку на него: «Ну, какой же я, зараза, браконьер?! Че лепишь-то?.. «Дальрыба» — вот браконьер! Государство, блин, родимое — вот браконьер!.. Я давно говорю: «Дальрыба» с головы гниет!..»

Все Дмитриии — Димки, Джимы, а он почему-то Митька. Прямо как питерские художники — Митьки?.

Митька любит-ценит жену. «Мне по бабам ходить некогда. И жена у меня — молодец, все, что надо, умеет, и в постели, и на камбузе. Да моя Светка в свои пятьдесят — наклонутая вишенка. Сладкая-а-а!.. — откровенничает по пьянке. — А рыбу-то, зараза, как готовит!!!»

И все кивают, соглашаются: да, и Светка у тебя — королева, и ты никакой, конечно, не браконьер, а просто рыбак, настоящий рыбак...

Митька живет в ладу со всеми: поймалась случаем акула, он не вспорет ее, чтобы выбросить за борт, злорадно издеваясь-веселясь, а возьмет все, что годится в дело, вытопит из печени жир, исцеляющий раны, разольет по бутылкам, кому надо — подходи без всяких! Сколько народу, подранков кухонных да огородных, исцелил он на пару с акулой!..

Пируем у Митьки. Рыбку кушаем. Борька, сосед Митькин, тоже старый рыбак, рассказывает, наморщив красномедный лоб:

— Как-то у Южных Курил на борту нашей плавбазы «Авача» видел я целое шоу, ага. От не хрен делать поймали на крючок акулу, она извивается на палубе, толпа собралась — боцман, матросы, «хомуты» (рыбообработчики) кружат вокруг, ржут, пинают ее, «дракон» (боцман) изловчился и кривым складнем своим вспорол ей брюхо. А оттуда, едреный хрен, целая дюжина акулят, да шустрые — страх! — прыгают, как на сковородке, окрас и размер — точняк скумбрия! Красавчики. Толпа и рты раззявила. А малыши круть-верть, прыг-скок — и в клюз, за борт. Жить хотят! А выживут, нет без матери-то?..

Митька — мастер и по крабовым ловушкам, они у него пустыми не поднимаются. Так что на столе у них со Светкой морское мясное пирожное, как Борька говорит, завсегда есть. Ну а подхвостье краба — abdomen (абдомина, как говорят на краболовах) — это ж натуральный афродизиак, как и гребешок, и морской огурец трепанг, которые, слава Богу, в нашем заливе самого Петра Великого не переводятся, хотя в Китай уходит немало, короче, подходи, брат-мужик, коли сомненье али водка ночами мешают, не стесняйся, подходи!..

Крабьи потроха и перемолотый панцирь Митька курам вываливает: у него под окном — натуральный курятник, сеткой рыбацкой обтянутый. После такой морской подкормки в куриных яйцах желток становится красно-оранжевым — супер-белок!.. А самочек из ловушки, погладив по брюшку, Митька бережно опускает в море, приговаривая, как Христос: плодитесь, размножайтесь!

Ну и кто же, если разобраться по совести, подлинный браконьер, а?.. На плавзаводах-краболовах, как везде и повсюду при Советах, царил и давил на смерть Его Величество План. Ну, сам по себе-то план — несомненное благо, но благими намерениями, известно ж, выслана ковровая дорожка в ад. Ее Величество Профанация в загсе, то есть на самых законных основаниях, вышла за Его Величество... И что творилось в морях, на промыслах — просто страшно теперь вспоминать! Матросы на мотоботах-добытчиках, по самую маковку заваленных сине-зелено-вишневым шевелящимся крабом, не расставались со стальным серповидным крючком, который словно прирос к рукам. И самок с икрой, маленьких, много меньше самца, а главное, невыгодных для Плана, просто-напросто убивали походя (да ведь некогда возиться с ней, брать рукой), хрясь ее крючком и — за борт...

Пируем у Митьки. Рыбку кушаем.

— Вот настоящие браконьеры где засели, точняк, — в Госплане!..

— Ага, и такая дубинноголовая плановая система банкует и щас, не везде, но во многом.

— Путинская — тоже... — Митька после пятой рюмки — революционер: — Где, куда подевались десятки наших рыбацких поселков по побережью, десятки, зараза, де-сят-ки (!) рыбокомбинатов и рыбколхозов, которые гремели, блин, на всю страну???

Борька:

— Да, едреный хрен, как от чумы вымерли...

Митька:

— Ограбили, разворовали! А рыбу из Норвегии везем — ну, не позорище?! Умные люди, южные корейцы, мигом смикитили: камчатские речки, куда нерка да кижуч, золотые рыбки, на нерест идут, за одну путину озолотят! И выкупили — за гроши ведь выкупили, блин! — обанкроченные нашими злодеями-руководителями рыбзаводы и рыбокомбинаты...

Борька:

— А на полях — полынь цветет, в зверосовхозах — они ж золото, ага, валюту давали! — тоже полынь вместо норок и чернобурок... А в городах что — заводы, где работали и кормились тысячи работяг, гудели по утрам заводы, ага, как пароходы, теперь складами стали для барыг, а то и просто помойками...

Митька:

— Зато Путин, зараза, воякам удвоил зарплату, защиту себе, царствию своему заделал.

Борька:

— Точняк — царствию, не царству!

Митька:

— Царство-государство в ж... Зато ракетами окружено...

Борька:

— Я газеты читаю и вижу, ага — ты прав, все в ж... Музеи, библиотеки, школы. Баба ЕГЭ из пацанов тупых идиотов клепают!..

И тут Светка, вынырнув из кухни, голос вдруг подала:

— Вам Путин не нравится? А знаете, что народ, который не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую...

— Чем кормить, блин?! — мгновенно возбух Митька. — Американской и канадской пшеницей, китайским рисом и кукурузой, норвежской селедкой, да???

— Любя страну, как мать свою родную, Я вам по совести сказать могу: Мы всю ее пропьем и разворуем, Но ни за что не отдадим врагу! — неожиданно продекламировал Борька. — Приморский поэт это, Савелий Урих, ага.

Светка, пряча улыбку, вышла.

Митька с Борькой завелись не на шутку — громят уже трех президентов сразу: Путина, Обаму и Порошенко. Эта несвятая троица, по их мнению, — главные враги рыбаков и рыбы, гребешков и крабов. А господа-товарищи ученые, конкретно вот кто — А. Слизкин, С. Сафронов — совсем другое говорят:

«В качестве первых мер охраны промысловых запасов крабов ловцам вменили в обязанность производить выпуск самок и молодых самцов. Охрана самок и молодых, регулирование промысла через квотирование вылова уже на первых этапах цивилизованного отношения к эксплуатации запасов краба позволили в какой-то мере снизить отрицательное влияние промысла».

А им вторит неученый, но начальник А. М. Корякин:

«Из панциря краба вырабатывается крабовая мука, используемая для корма птиц. В обработку идут только самцы размером тринадцать сантиметров и более. Случайно попавшие в сети крабы с панцирем размером менее тринадцати сантиметров и самки спускаются обратно в море...»

Плавающий монстр — крабokonсервный завод — длина сто шестьдесят пять метров, водоизмещение шестнадцать с половиной тысяч тонн — несет на себе двенадцать мотоботов, которые спускают в море для выборки сетей или ловушек. Траулеры-постановщики сетей при подходе крабов к берегу во время весенней миграции на глубинах тридцать — восемьдесят метров выставляют ежедневно каждый до трех тысяч сетей. Во масштаб, гордость «Дальрыбы» и Минрыбхоза!.. Ну а про самок — чш-ш — ни звука...

О да, плавазавоудище впечатляет, особенно если рядом поставить «браконьера» Митьку!

Митька, хоть и невысокий ростом, но все равно большой и добрый. И любит удивлять и — удивляться чужой радости: подарить на день рожденья соседу банку икры кетовой (пластмассовая, полкилограмма) или взяться за провод двести двадцать вольт — одной рукой, правда... Клещевой тиф, рыбака на речке Уссури, намотал как-то, ну и, больше месяца валяясь в больнице, так дивился, так дивил-

ся: сколько друзей объявилось! Завалили Митьку яблоками-грушами-бананами, добрыми улыбками и словами...

Словно в оправдание нашего героя, «браконьера» Митьки, итальянский журналист Джульетто Кьеца, побывав в 1999-м на Камчатке, написал целую книжку «Полуостров на дне»: «Кругом одни заброшенные поселки с низкими длинными строениями, глядящие на вас пустыми глазницами окон. Это бывшие коровники и свинарники, исчезнувшие после введения московской реформы... Октябрьский — убедительнейший символ экономического самоубийства России... Сюда приплывают на нерест неисчислимые косяки красной рыбы. Отметав икру, рыба умирает. Чавыча, нерка, кижуч, горбуша, кета огромными волнами следуют друг за другом, хотя и разными путями. Каждая такая золотая река оценивается в миллионы долларов. За один год одно только Охотское море может дать два с половиной миллиона тонн рыбы. Это три миллиарда долларов! Куда же они уходят? Прошлым летом в путине участвовало девяносто плавзаводов: шестнадцать камчатских, два десятка магаданских и приморских, остальные — японские, американские, корейские и китайские. Лицензии приобретают в Москве: государству достаются гроши, а десятки тысяч долларов в виде взяток — чиновникам МРХ... Иностранцы мошенничают, подкупают российских инспекторов, которые делают вид, будто контролируют количество выловленной рыбы и смотрят на нарушение правил сквозь пальцы; и все это за полученный «в подарок» какой-нибудь джип «Чероки»... Холодильная установка на пять тысяч тонн, купленная в 1988-м у финнов, приватизирована. Этот холодильник пуст и закрыт... И никому не придет в голову, что можно было бы поставить десять таких холодильников и обеспечить работой двадцать заводов круглый год... Во время путины в Октябрьский съезжаются десятки пиратских артелей, которые приобрели лицензии, подкупив на этот раз местных чиновников... берут только икру (которая в тысячу раз дороже тушки) и оставляют на берегу на протяжении многих километров десятки тысяч тонн рыбы. Даже сейчас — снег еще не все засыпал — за душу хватает скрип рыбьей чешуи под ногами».

Итальянца за душу хватает, а нас что, никого? Привыкли?..

Пируем у Митьки. Рыбку кушаем. Митька улыбается, добрая улыбка у него, едва заметная — почти в одних глазах, губы, заветренные, цвета кофе, совсем чуть-чуть участвуют. Он вчера только вернулся с рыбалки, и в руках у него сейчас вовсе не вилка, а жаберная ставная сеть китайская, самая ходовая — с семисантиметровой ячейей.

На японском пластиковом катере со стапятидесятисильным мотором «Ямаха» вышли они под вечер вчетвером. Главный рыбнадзор-пузан — за штурвалом, двое его подчиненных командуют, в основном, бутылками и закусью. А работает один Митька, сети готовит, перебирает пенопластовые поплавки, свинцовый шнур-заплетку — грузила. Вот она, нерестовая речка (имя ее — военная тайна), невысокий бар, где она целуется с прибором, пара браконьерских лодок в устье... Рыбнадзору нынче не до них, и они это прекрасно понимают. Катер — мимо, мимо. Отошли в сторону от устья мили на полторы и — включай, ребята, морской выпуклый глаз, эхолот-то забарахлил. Но глаз Митьку, во всяком разе, никогда не подводит: — Вон! Вон она играет!..

И пузан правит туда, куда тычет кривым, заскорузлым перстом Митька.

Трехсотметровый порядок — три сетки по шестьдесят метров длиной и четыре тридцатиметровых — выметывают в полчаса! Митька — ну прям Мстислав Ростропович! — выпуская капроновую дель, пальцами слышит, как рыба уже заходит, заходит в сеть, как миленькая...

Значит, через час-полтора, приняв на грудь и перекусив, можно возвращаться к голове порядка и выбирать. А бывает, что и до утра сети стоят, раз на раз не

приходится. Но нынче, похоже, год урожайный на лосося, можно сказать даже, рунный ход!

С добрым уловом — килограммов триста — не грех и по домам. Всем хватит — начальству, родным и друзьям...

Друзей у Митьки — дай Бог каждому. И в море все животные и растения — тоже его друзья. И сама вода морская заменяет ему и аптеку, и зубную пасту: прихворнул-простыл — пополощи водой горло, нос, на ночь зубы прополосни, и все дела. В общем, у Митьки даже и лозунг такой есть, почти как в советских газетах на самом верху был: «Ламинирии всех стран, соединяйтесь!»

Маска с ластами у него всегда в лодке. Нырять и поплавать под водой он любит. Да вот о подводной красе, зараза, молчит. Она ж ведь дух перехватывает. И он там, чайкой паря над самым дном, лишь мельком думает: «Эх, Светланку б сюда да Дмитрия Дмитрича!» Это сын, коему пять, семь, десять, пятнадцать годов было, когда батька его так вот промышлял да вспоминал о нем в подводном положении.

Пируем у Митьки. Рыбку кушаем. Борька, старый морской бродяга, рдея от «шнапса», как величает он вполне отечественную «Беленькую», бает все о нем, клятом, о браконьерстве:

— Где-то в конце шестидесятых, точняк, в шестьдесят седьмом-восьмом, в Беринговом, в Олюторке, мы угробили селедку, ту, знаменитую, толстенькую, как качалочка, ага, такую вкусную: бардак, как всегда, был в экспедиции — плавбаз не хватало, заловишься и стоишь в очереди полсуток, а лето ж, рыба тухнет, выкинул ее за борт и по новой рыбачишь...

— Борь, ты про палтус расскажи, про нерку, — Митька все это уже слышал, для нас просит. — Палтус, блин, — это ж царь-рыба!

— Да что рассказывать — плакать надо! Царь-рыба, ага, у Виктора Астафьева целый роман такой есть, так и называется — «Царь-рыба».

Борька хмыкнул, он же у нас мужик начитанный, вон у него глаз какой умный, хоть и шибко блестит.

— План нам давали на минтай... мы его звали Митька голубоглазый, — Борька подмигнул Митьке, сощурился так, точно клопа им придавил, — а палтус из прилова — едреный хрен! — приходилось за борт выбрасывать. На камбуз-то много не возьмешь, ага... Кок голову палтусине отрезает и — за борт, чайкам на радость.

— А сейчас эта голова, — Митька ухмыльнулся и зубом цокнул, чубом тряхнув, — дороже моей, блин! Особо если меня «добровольцем» заслат в Донецк...

— Да, братцы, — продолжает Борька, — и такая же хрень и на лососевом промысле: только одну горбушу было велено брать, а нерку, золотую рыбку, — за борт, за борт!.. Да ведь помята уже, не жилец! А в талмуды записывают: выпущена. Для себя засолишь малехо — и все. Ну и кэп там сколько-то для начальства спроворит, ага...

— Я не четырнадцатый Людовик! — Митька вдруг заявляет торжественно. — Это ж он, зараза, брякнул: «Начальство — это я»... Ох, блин, нет, не так, «Государство — это я!». Вот и поставь нас друг против друга, как на дуэли — государство и меня — и скажи, только честно: кто из нас, зараза такая, больше браконьер?!

Вот зараза!

